

**СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИИ ПРЕДПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:
НОВЫЕ АСПЕКТЫ***

Ольга Кошелева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
ON THE PRE-PETRINE ERA: NEW ASPECTS****

Olga Kosheleva

Institute of General History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This review focuses on the most remarkable works in contemporary Russian historiography from recent decades on the pre-Petrine seventeenth century. Consciously ignoring the literature dedicated to diplomacy and war because of the sheer size of the available material, the author isolates questions connected with the socio-political and cultural development of the Muscovite state and society. In particular, she examines works looking at the intensity and direction of pre-Petrine Russia's socio-cultural contacts with the West and the Orthodox East and the extent of their influence on the country's historical development. Noting how the exhaustion of Marxist methodology (in its Soviet variant) has led contemporary Russian historiography to revive the opposition of the Slavophiles and Westernisers, the author nevertheless emphasises its new foundations, which are based on different methodological principles. There has been a shift of scholarly interest away from the 'base' to the 'superstructure' (to use the old Soviet terminology): now dominant is the attention placed on the discursive practices of the epoch and on the problems of intellectual history, the

* Вариант статьи был опубликован в 2015 г. на итальянском языке: [Košeleva].

** Citation: Kosheleva, O. (2018). Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Цитирование: Kosheleva O. Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295 / Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

history of personhood, the network-actor interactions that created the fabric of social and cultural reality, and the increasing need to study the sources. The article's main conclusion is that the varied (and sometimes mutually exclusive) interpretations of the meaning and significance of the cultural changes in the second half of the seventeenth century can scarcely be reduced to some generalising representation of the epoch. This will require the further accumulation and interpretation of empirical materials in the framework of new research paradigms. It is necessary to understand this period as part of an integral whole with the era of the Petrine reforms.

Keywords: historiography; innovation; cultural transfer; traditional culture; modernity; Modern era; transition period; dead-ends of development; reforms.

В представленном обзоре фокусируется внимание на наиболее заметных явлениях современной отечественной историографии XVII в., преимущественно последних десятилетий, предшествовавших воцарению Петра I. Осознанно (в силу обширности материала) оставляя за скобками литературу, посвященную истории дипломатии и войн, автор вычленяет дискуссионные вопросы, связанные с оценками уровня социально-политического и культурного развития Московского государства и общества указанного периода, интенсивности и направленности социокультурных контактов предпетровской России с Западной Европой и православным Востоком, степени их влияния на векторы исторического развития страны. Отмечая, что исчерпанность марксистской (в ее советском варианте) методологии привела современную российскую историографию к своеобразному возрождению оппозиции славянофилов и западников, автор подчеркивает ее новые основания, которые базируются на иных методико-методологических принципах. В первую очередь это смещение фокуса исследовательского интереса от «базиса» к «надстройке» (если использовать старую советскую терминологию) – доминирующее внимание к дискурсивным практикам изучаемой эпохи, к проблемам интеллектуальной истории, истории личности, к сетевым акторным взаимодействиям, создававшим ткань социальных и культурных реалий, к повышенным требованиям источниковедческой и археографической составляющих научного исследования и проч. Главный итоговый вывод гласит, что разнообразные, порой взаимоисключающие трактовки смысла и значения происходивших во второй половине XVII в. перемен в культурном облике России едва ли возможно свести к какому-то генерализирующему представлению об эпохе. Это требует дальнейшего накопления и интерпретации эмпирического материала в рамках новых исследовательских направлений и парадигм. Необходимо осмысление этого периода в системной целостности со временем Петровских реформ.

Ключевые слова: историография; культурный трансфер; новации; традиционная культура; Новое время; переходный период; тупиковый путь развития; реформы.

Пересказать вкратце – значит заменить
живой организм музейным чучелом.

В. М. Живов

Статьи историографического характера в силу ограниченности объема всегда показывают область своего исследования в несколько ущербном виде: приходится выбирать лишь некоторые работы из множества достойных анализа. Данная статья очерчивает поле исследования самым схематичным образом, однако на схеме легче выделить новые тенденции и повороты мысли.

Вплоть до 1980-х гг. общий ход советских исследований строился на исторической модели, созданной К. Марксом на основе феноменов европейской истории, к которым пытались найти аналоги в истории России. В ее основе лежала идея прохождения всеми странами одинаковых этапов развития, хотя и не одновременно. Марксистский путь, до конца пройденный советской историографией, оказался поучительным и даже травмирующим для последующих поколений историков. Он показал, как легко можно подбирать исторические факты под заранее заданную схему и как быстро исследование, построенное таким образом, теряет свое значение. Это демонстрируют с особой четкостью исследования, посвященные истории XVII в., поскольку именно они в наибольшей степени оказались «нагружены» марксистскими историческими концепциями.

Я не буду рассматривать здесь советскую историографию как таковую, но она оказывается необходимой для сравнения с сегодняшним днем. В марксистской парадигме давно уже работают единицы, хотя у многих она продолжает находиться в подсознании, ибо почти невозможно оставаться за рамками той или иной из уже существующих исследовательских парадигм. Возродились вновь, но на новых основаниях два издревле существовавших в российском сознании направления – западное и славянофильское. В отношении к XVII в. они делят исследователей 1) на тех, кто видит корни новых явлений в том, что Россия в своем развитии с неизбежностью следовала по западному пути, однако шла в арьергарде; 2) на тех, кто считает, что причинами возникших новшеств стали собственно российские реалии и особенности ее исторического развития; 3) на тех, кто считает, что одно дополняло другое, а не противоречило ему.

То, как изменилась тематика в современных исследованиях XVII в. по сравнению с советской эпохой, хорошо видно в сопоставлении с написанным в 1975 г. датским исследователем Свеном Кристенсеном историографическим обзором советских работ [Кристенсен]. Он отмечал, что не только советские, но и зарубежные историки считают наиболее важным работать по тем направлениям, которые

в марксизме считались «базисом» (то есть экономика и классовая борьба), и мало уделяют внимания «надстройке», то есть проблемам культуры и религии. Сегодня тематика работ ориентирована в первую очередь на области культуры и религии, мышления и мировоззрения. Популярны персональная история (в том числе «человек второго плана»), интеллектуальная история, история повседневности, культурные трансферы и др. Этим направлениям я уделю преимущественное внимание, к сожалению, оставив за скобками многие работы последних лет, например, из области военной или дипломатической истории.

Россия на пути модернизации: где он начинается и какие новации его определяют?

XVII в. историки единодушно называют новым периодом в истории России¹. Однако за этим единодушием скрывается разное понимание новизны. Кроме того, «новый период» внутри самого XVII в. имеет в историографии разные точки отсчета². Но два первых десятилетия XVII в. в «новое время» определенно не попадают. Это трагический период истории, который имеет красноречивое название «Смутное время». С начала века проблемы начались с неурожаев и экономической разрухи, в результате которых население стало бежать из центра России на южные окраины в поисках пропитания. Одновременно разразился кризис власти: московский трон оказался пуст, и на него нашлось множество претендентов, вступавших между собой в отчаянную борьбу. Подняли восстание крестьяне, в столицу с юга двинулось казачество. Началась иностранная интервенция: в страну вторглись польские и шведские войска и захватили Москву. В России возникло несколько центров власти, и началась гражданская война. Иначе говоря, это был не просто кризис, а катастрофа, поставившая государство на грань его дальнейшего существования. Она, однако, оказалась с величайшим трудом преодолена. Известно, что именно кризисы открывают путь новшествам. Так произошло и в данном случае.

Историография Смутного времени обширна, и здесь я скажу о ней лишь несколько слов. Богатство событий Смутного времени, в котором социальные противоречия смешались с внешнеполитическими коллизиями, явилось резервуаром, из которого историки могли черпать самые различные конструкции, а политики – брать их себе на вооружение. На материалах Смутного времени легко пропагандировать патриотическую идею, идею народного самодержавия, идею истоков формирования гражданского общества, идею успешной народной борьбы с внешними

¹ Первыми это сделали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский [Соловьев, кн. 6, т. 12, с. 623; Ключевский, т. 1, с. 33–34].

² Его отсчет начинают по-разному: с 1613 г., то есть с воцарения новой династии Романовых, или «приблизительно с середины XVII в.», когда государство стабилизировалось после кризиса начала века, или с 1676 г., когда правительство встало на путь реформ. Называют и другие даты, например, 1666 г.

захватчиками (что, в частности, происходило во время Первой и Второй мировых войн) и ряд других идей. И сегодня политические потенции темы Смутного времени активно эксплуатируются в связи с введением в России праздника под названием «День народного единства» (4 ноября), который знаменует успешный выход страны из кризиса Смутного времени. Изучение литературы об этом периоде с эпистемологической точки зрения очень продуктивно, и такие историографические работы в последнее время написаны [(см., например: [Токарев]). Но из-за своей неисчерпаемой «конъюнктурности» период Смутного времени оказался и достаточно хорошо изучен во всех аспектах. В последнее время вышли новые значимые работы, о которых надо писать особо (см., например: [Эскин; Лисейцев, 2003; Лисейцев, 2009; Рыбалко]).

О сущности «новизны»

Основная идея «новизны» № 1: к власти пришла новая социальная группа – дворянство, сменившая боярство. Именно с окончанием Смутного времени и достаточно быстрым восстановлением российской государственности начался, по словам В.О. Ключевского, «новый период русской истории». Он характеризовал его как «все-российский, имперско-дворянский период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» [Ключевский, т. 1, с. 33–34]. Именно это высказывание самого авторитетного историка дореволюционного времени модифицировалось в марксистском духе в разных его аспектах.

Основная идея «новизны» № 2: начало развития капитализма в России. В.И. Ленин, учивший историю по Ключевскому, связывал «новый период» русской истории с генезисом развития капитализма; он чисто умозрительно датировал начало перехода от натурального хозяйства к складыванию единого всероссийского рынка приблизительно серединой XVII в. Советские историки пытались подтвердить ленинский тезис конкретным материалом, но этого не получилось за отсутствием такового. Очевидно, что в течение XVII в. существенных изменений в сфере производства и потребления не произошло. Напротив, тяжелые последствия Смутного времени привели к усилению крепостной зависимости крестьян, препятствовавшей развитию капиталистических отношений.

Основная идея «новизны» № 3: возникновение абсолютной монархии. Соответственно якобы случившимся экономическим переменам, в советское время стремились показать и изменения во власти – переход от самодержавного правления к абсолютизму. Речь шла о борьбе якобы реакционного боярства с якобы передовым дворянством, каковым советским историкам пришлось подменить буржуазию за неимением таковой. «Сконструировать» эту борьбу было необходимо для того, чтобы, действуя в логике марксизма, доказать формирование в XVII в. абсолютизма (по типу французской модели). Конкрет-

ные исследования и в этом случае опровергли данный тезис. Радикальных перемен политического устройства по сравнению с XVI в. не произошло, несмотря на новое политическое образование – Земские Соборы. Не снизилось в XVII в., как показывают исследования последнего времени, и значение Боярской думы.

Основная идея «новизны» № 4: массовые народные движения. Особенно популярна в марксистской парадигме была тема классовой борьбы, и именно XVII в., который называют «бунташным», давал для нее богатейший материал. Количество бунтов в этот период превосходит все иные времена. Мощные крестьянские восстания, начавшиеся уже в Смутное время, городские восстания, волнения на религиозной почве продолжались в течение всего XVII в. Ранее историк-марксист охватывал их все одним взглядом, приходя к выводу, что мы сталкиваемся с явлением, схожим с буржуазными революциями в Европе, например, с Английской революцией 1649 г. Находились подтверждения тезису, что и в России «низы не могут жить по-старому», они тоже вступили в «новое время», продвигая его к революции. Впрочем, многие возражали, называя эти движения типичными для Средневековья.

Но «новизна» XVII в., которую историкам не удалось обнаружить ни в экономике, ни в государственном устройстве, видна и не вооруженным историческими окулярами глазом во всех областях культуры. Поэтому о ней далее и пойдет речь.

Современная интерпретация сакрального и светского в культуре XVII в.

Два направления являются доминирующими в рассмотрении процессов секуляризации культуры в XVII в.: исследование западных влияний и изучение процессов в традиционной средневековой культуре.

Следует напомнить, что русская средневековая письменная культура сильно отличалась от западноевропейской культуры XVI–XVII вв. – в ней не допускалось ни светских, ни развлекательных произведений: письменность была сакральна сама по себе и могла быть использована только в православно-религиозных целях. В XVII в. эта ситуация стала меняться.

Процесс секуляризации церковной культуры, начавшийся в XVII в., в советское время получил название «обмирщение», понимаемое как вторжение в религиозную культуру светских элементов. Черты «новой» культуры обнаруживались в интересе к личности человека, к индивидуальным проявлениям в творчестве, во внимании к иноконфессиональным культурам, в решении вопросов образования, в появлении новых жанров и мн. др. В характеристиках «новой культуры» делался акцент на развитии городов, которые формировали интересы горожан и закладывали основы светской городской культуры [Сахаров; Муравьев, Сахаров], подчеркивалась «открытость» «новой» культуры XVII в., которая вступила в диалог с культу-

рами других стран [Краснобаев], отмечались «динамизм», «энергичность» героев литературы и реальных персон, пришедших на смену средневековой «тихости» [Демин], рассматривалось столкновение различных направлений в культуре XVII в. [Робинсон].

Исследования культуры XVII в., носящие концептуальный характер, немногочисленны (сМ. : [Черная, 1999, с. 13–30; Бусева-Давыдова, 2009, с. 7–11]). В трудах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. Б. Плехановой, А. М. Панченко, Б. И. Краснобаева, В. М. Живова, Л. И. Сазиной, И. Л. Бусевой-Давыдовой сделаны попытки объяснить глубинные причины зарождения секуляризационных процессов в сакрализованной средневековой православной культуре. Однако каждый из них ставит во главу угла разные феномены культуры, акцентируя их на иных пластах исторического материала.

В советское время господствовала ренессансная концепция Д. С. Лихачева [Лихачев, 1973; Лихачев, 1988, кн. 1, с. 5–26]. Она основывалась на идее того, что все европейские культуры проходили стадию перехода от Средневековья к Новому времени через Ренессанс. В России же не было периода Ренессанса. Но и здесь в XVII в., когда в моду вошло барокко, человек начал становиться в центр внимания произведений культуры и искусства, стала формироваться светская культура. Поэтому, считал Лихачев, функции Ренессанса взяла на себя культура барокко.

Новый философско-антропологический подход, опирающийся на работы немецкого философа Макса Шелера, предложила Л. А. Черная, занимающаяся проблемой человека в русской культуре [Черная, 1999; Черная, 2008; Черная, 2012]. Она выделила определенные периоды в развитии культуры – «Тела», «Души», «Разума», «Экзистенции». В XVII в. исследовательница видит переход от «культуры Души» к «культуре Разума». Для «культуры Разума», отмечает Черная, свойственно стремление к новому, в то время как «культура Души» не принимала «новое», она видела его в дальнейшем развитии традиции, уснащении ее новыми элементами.

Иные концепции, исходящие из того, что русская культура секуляризировалась в результате причин, в ней самой зародившихся (которые, впрочем не отменяли, а дополняли влияния других культур), были разработаны филологом и культурологом В. М. Живовым [Живов, 2000; Живов, 2004, с. 7–34] и искусствоведом И. Л. Бусевой-Давыдовой [Бусева-Давыдова, 2009]. Вместо «запоздалого и странного на вид Ренессанса» В. М. Живов видел причину радикальной трансформации всей русской культуры в ее рефлексии над собственными проблемами, поставленными Смутным временем. В дальнейшем этот путь привел к «диалогам» с западной культурой и к восприятию многих ее элементов. Живов не считал, что средневековая православная культура обмирщалась. Напротив, он видел в ней процесс усиления религиозности и праведности как результат тяжелого опыта Смутного времени, как желание людей избежать новых кар Божьих. Такие настроения он характеризовал как религиозную «нравственную

реформу», отторгавшую ранее допустимые светские произведения, развлечения и обряды. Именно это привело к начавшейся *оппозиции* светского и религиозного направлений в культуре, ранее мирно сосуществовавших, к появлению новой жанровой системы в литературе.

И. Л. Бусева-Давыдова разделяет мысль В. М. Живова о начавшемся разъединении культуры на конфессиональную и внеконфессиональную и поддерживает идею о том, что источники XVII в. свидетельствуют не об обмирщении русской культуры, а, наоборот, об усилении ее религиозной направленности. Прежде чем новации стали заимствоваться с Запада во второй половине века, для них созрели предпосылки внутри самой русской культуры. «Смутное время» усилило средневековое ощущение губительности новизны и стремилось вернуть традиционализм русского общества. Тем не менее, новое прокладывало себе дорогу в скрытом виде – как «возобновляемое старое». Бусева-Давыдова определяет стремление к новому как главную сущностную характеристику эпохи. И, в отличие от Живова, она считает, что «новое» далеко не всегда вступало в борьбу со «старым», новации не отменяли традицию, это создавало возможность относительно бесконфликтного развития русской культуры. Само по себе обращение к новоевропейскому искусству не означало умаления религиозности в русском обществе XVII в.

Бусева-Давыдова тоже отмечает процесс становления личности как индивида, по сути своей ренессансный. Но тем сильнее, по ее мнению, становится стремление одинокого человека получить Божию помощь. Новый характер религиозного чувства нашел отражение в искусстве. Бусева-Давыдова концентрирует свое внимание на общем расширении поля культуры, на появлении новых видов искусства и литературы. Ее методологический подход таков: через обращение к разным сферам культуры (живопись, литературу, архитектуру, фольклор и проч.) выделить общие черты произошедших в них перемен.

В целом Бусева-Давыдова рассматривает культуру XVII в. как результат глубинных социокультурных процессов эпохи. Она отмечает, что мироощущение верующего русского человека XVII столетия и соприкасалось с ренессансным, и отчасти напоминало «новое благочестие» заката западного Средневековья, а отчасти – протестантизм, «но в целом оно не отрешалось от греко-православных истоков и поэтому не уклонялось ни в экзальтацию, ни в индивидуализм» [Бусева-Давыдова, 2008, с. 30].

Современное изучение традиционной культуры XVII в.

Работы, посвященные изучению традиционной российской культуры и ее внутренним изменениям, также многочисленны и привносят много нового. Остановлюсь только на книжности. Церковный раскол, произошедший из-за исправления богослужебных книг по указу патриарха Никона (1653), насытил книжность множеством по-

лемических сочинений. Объемные монографии, посвященные наиболее известным книжникам XVII в., были написаны еще в XIX в. и постоянно использовались исследователями до недавнего времени. Сейчас многие из них подвергнуты пересмотру, который происходит в археографической плоскости. По сегодняшним меркам стиль работы авторов XIX в. был небрежен, не возбранялось включение в исследование домыслов и мифов. Сегодня же творчество книжников рассматривается в системе: тщательный палеографический и археографический анализ всего наследия определенной персоны предшествует его интерпретации, что вносит много корректив в прежние представления. В качестве примера сошлюсь на работы Т. В. Панич об Афанасии Холмогорском [Панич] или работы А. П. Богданова о Карионе Истомина [Богданов, 2012]. Показательна критическая характеристика Богдановым труда его предшественника С. Н. Брайловского, писавшего об Истомина («Один из пестрых XVII столетия»): «По этим ничтожным сравнительно с объемом творчества придворного поэта (Истомина. – О. К.) отрывкам нельзя было судить... да, в общем-то, ни о чем. Даже описание трех основных сборников авторского архива поэта, сделанное С. Н. Брайловским и целое столетие не проверявшееся, оказалось крайне фрагментарным» [Там же, с. 19].

Появляются книги о малоизвестных сегодня книжниках, которые в свое время не были таковыми. В пример приведу книгу о монахе Сергии Шелонине, жизнь которого была посвящена книжному делу. Он создавал огромные энциклопедические компендиумы, разыскивая везде рукописи, сверяя их друг с другом. Его система перекрестных ссылок между множеством сочинений не имеет аналогов в древнерусской книжности. Автор книги о Шелонине восстанавливает его биографию, раскрывает все методы его работы [Сапожникова]. Шелонин оказывается одновременно и традиционалистом, и новатором, что для его времени скорее правило, чем исключение. Не могу не упомянуть замечательную книгу итальянки Кристины Брагоне, посвященную практически не известной учебной рукописной книге конца XVII в. «Алфавитарь». Это одновременно и публикация, и исследование: все строки рукописи в публикации имеют номер, и к каждой строке (!) автор дает развернутый комментарий [Bragone]! Книга хорошо известна специалистам в России и может считаться образцом для будущих исследований.

Трансфер иных культур

Сегодня широко принятая формулировка «"западные влияния" на русскую культуру» представляется слишком абстрактной. «"Влияние", – писал В. М. Живов, – это плохая категория описания, поскольку указание на источник заменяет в таком описании диалогичность культурного процесса – отбор того, что рецепируется из культуры-

донатора, и трансформацию усвоенных элементов в новом культурном контексте» [Живов, 2001, р. 328]. Немецкий исследователь К. Шарф также отмечает, что привычные обиходные формулировки вроде «идеи распространялись» или «просвещение повлияло» неудовлетворительны. Вместо них предлагается понятие «трансфер», которое требует предельной конкретики [Шарф, с. 17]. «Понятие “трансфер” идей приемлемо лишь в идеальном случае, когда могут быть отслежены точка его отсчета, пути и “приемщики»» [Там же]. «Трансфер» погружает историю идей в историю повседневности, через которую, собственно, и распространяются идеи, обычаи, понятия.

Скажу о нескольких исследованиях, сделанных в рамках такого подхода, хотя сами авторы не употребляют понятие «трансфер».

В работах Маргариты Корзо показываются техники и приемы православных книжников, с помощью которых «чужой» текст приспособлялся к собственной традиции [Корзо, 2007; Корзо, 2011]. Оба рассматриваемых ею православных автора (Симеон Полоцкий и Иннокентий Гизель) не были москвичами, они учились в западно- и южнорусских колледжах, отчего были хорошо знакомы с латинской литературой. Корзо «препарирует» тексты их сочинений («Мир с Богом человеку», 1669, и «Венец веры», 1671) и выявляет основные приемы работы этих книжников с иноконфессиональными текстами, а именно: 1) из «чужой» традиции берется только каркас (структура и логика), который заполняется православным содержанием; 2) заимствуются некоторые богословские понятия, которые сначала функционируют параллельно с привычными, но потом оказываются основными; 3) латинские авторы цитируются без указания на источник, или цитаты из сочинений западных схоластов приводятся как цитаты из греческих отцов; 4) пространные фрагменты «чужого» текста перелагаются дословно, но при этом они обрамляются привычными для православных примерами. Работы М. А. Корзо впервые наглядно показали, что наряду с открытой борьбой православия с «латинством», происходило его скрытное проникновение в православную книжность.

В последние годы стало признаваться замалчиваемое ранее культурное влияние Польши и Киевской Украины на Московское царство XVII в., сравнимое с влиянием Франции в XVIII в. При этом оно не просто декларируется, а демонстрируется на фактах. Таковым, например, является внушительный каталог переводных произведений с польского языка на русский, сопровождаемый полной библиографией к каждому тексту [Николаев].

Другое направление трансфера – православная Греция, связи с которой у Руси традиционно были очень тесными. Здесь отмечу только одно новаторское исследование Б. Л. Фонкича, которое основано на внимательнейшей работе с источниками, как русскими, так и греческими. Они раскрывают обоюдный процесс русско-греческих связей по вопросу организации в России школ с обучением греческому языку [Фонкич, 2009]. Главным, по словам автора, для него был палео-

графический метод исследования, позволивший уточнить и датировки, и авторство многих документов, а также уровень знания языков деятелей просвещения. Однако именно палеографические трактовки текстов вызвали резкую критику со стороны молодого поколения историков, на которые Б. Л. Фонкичу даже пришлось ответить особой книгой [Фонкич, 2012].

Эта полемика хоть и резка, но она идет на пользу исследовательской работе, ученики Б. Л. Фонкича продолжают развивать начатое им направление. Такова работа его ученицы Н. Чесноковой о взаимодействии России и православных народов в составе Османской империи, в которой тоже сделан акцент на собрании полного комплекса документов и вещей, прошедших процесс пересечения границ в ту или иную сторону [Чеснокова].

Трансферы изучаются не только в конфессиональной области, но и в политической, и в повседневной. Яркий пример – изучение «курантов», то есть информации из иностранной прессы, которую отбирали и переводили на русский язык в правительственных учреждениях (в Тайном и Посольском приказах). «Куранты» широко использовались в исторической литературе, но из-за отсутствия серьезного источниковедческого анализа многие тексты исследователи принимали за русские произведения, а просто устные передачи «вестей» из разных стран – за перевод из иностранных газет. Многолетний труд Семена Шамина и Ингрид Майер (Швеция), основанный на детальной археографической работе в российских архивах и на поиске европейских оригиналов за рубежом, поистине титанический, но он приносит отличные плоды. Исследование дает возможность увидеть то, чего раньше не замечали – то, как эти иностранные газетные тексты функционировали в русской традиции. Обычно считалось, что раз переводы делались для царя и бояр, то ими и ограничивался круг читателей. Авторы показывают, как быстро тексты распространялись за стены Кремля и из европейских газет переходили в русскую рукописную книжность, читались людьми, далекими от дипломатии, даже крестьянами. Их иностранное происхождение переставало быть заметным.

Комплексное совместное исследование «курантов» в России и Швеции позволяет авторам не только делать наблюдения над знанием в России о современной политике, но также дает сведения о событиях в России, которые не отразили российские источники, однако подметили иностранцы [Шамин].

Культурный трансфер постоянно проходил через сферу повседневности. В ней осуществлялись прямые контакты русских с иностранцами, которые, однако, скудно отражены в источниках. Поэтому личный архив английского купца, найденный в Лондоне, дает уникальную возможность узнать о них подробно. Ему посвящена книга, в которой анализируются и публикуются все документы архива, а также воссоздается контекст их создания. В архиве содер-

жится переписка английского и русского купцов (более 20 писем за 1686–1687 гг.). Оба проживали в Пскове, и даже какое-то время в одном доме [Стефанович, Морозов]. Писали они друг другу потому, что англичанин таким образом целенаправленно обучался русскому языку и осваивал местную торговую документацию. Русский адресат, тоже купец, прямо называет себя учителем. Видимо, он имел и других учеников-иностранцев. Архив содержит также литературные новинки и образцы документов. Дружеские отношения между адресатами очевидны. Эти купцы принадлежали тому кругу людей, которых торговля вовлекала в международное общение, им были свойственны культурно-религиозная открытость и толерантность.

Сети связей между русским населением и иностранцами, жившими в России, возможно проследить, если нам известны судьбы этих иноземцев. Тема «иноземцы в России» – одна из новых, ранее она совершенно не разрабатывалась [Ковригина; Орленко; Опарина и др.]. Сейчас же рассматриваются не только группы, например, иноземных торговцев [Демкин], но и отдельные персоны, открываются новые имена. Появились биографические сочинения, посвященные иноземцам, работавшим в России ([Юркин]; рец. на указ соч.: [Тимошина]). Самое большое количество русских источников хранят шведские архивы, в последнее время они активно осваиваются.

Таким образом, лучшие работы последних десятилетий, написанные в русле «трансфера», отличает очень полная комплектация материалов по проблеме, причем не только русских, но и зарубежных, доскональная проработка самих источников. Часто исследовательское поле в таких работах ограничено, но «вспахано» полностью и дает хороший урожай новых сведений. К настоящему времени достаточно фрагментов разнообразной информации, чтобы сложить из них общую картину процессов, происходивших в русской культуре XVII в., в том числе и в аспекте отношений с другими странами. Такое обобщенное исследование уже было сделано в 70-е гг. XX в. [Алпатов]. Теперь можно предвидеть наступление нового этапа «сбора камней», ибо «разбросано» их много.

XVII в. как переходный период

XVII в. называют не только новым, но и переходным периодом. Переходным к чему? Ответ: к «настоящему» новому времени, которое видят в Петровских реформах начала XVIII в. те, кто их изучают, и те, кто читают популярную литературу. Именно в XVII в. издавна ищут причины этих реформ. Они тесно связаны с продолжающейся уже более 150 лет дискуссией о необходимости петровских преобразований и о той цене, которую Россия за них заплатила. Новшества, происходившие в культуре и мировоззрении в XVII в., если смотреть на них с точки зрения Петровских реформ, оцениваются в историографии очень по-разному. Одни видят *прямую преемственность*

между новшествами XVII в. и Петровскими реформами («Петр пошел уже по проложенному пути» – С. Ф. Платонов). Современная исследовательница, например, пишет так: «Реформы Петра стали не сменой курса, а логическим интенсифицированным продолжением политики отца, царя Алексея Михайловича» [Дергачева]. Другие подчеркивают, что модернизация страны уже началась до Петра и могла бы идти в мягких формах, а Петр выбрал жесткий путь реформ, принесший много страданий и жертв³. Третьи признают, что культурные новшества и социальные реформы были начаты до Петра, но они вылились в тупиковый вариант [Седов]. Четвертые видят разразившийся в конце XVII в. системный кризис, который и вызвал столь острую необходимость радикальных реформ. О системном кризисе в 90-е гг. говорили ведущие историки XVIII в. Е. В. Анисимов и А. Б. Каменский [Анисимов, 1997, с. 10–12, 291; Каменский, с. 55–58, 520–521], но позднее Е. В. Анисимов отказался от этой точки зрения. При этом он впервые в историографии высказался прямо и четко: «Историки допетровской России и историки Петра никогда не понимали друг друга» [Анисимов, 2007, с. 2]. Сейчас о системном кризисе уже мало кто вспоминает, хотя именно такое простое объяснение осталось в учебниках.

XVII в. как тупиковый путь развития

Одним из спорных вопросов перемен второй половины XVII в. являются новшества в сфере образования. До этого времени в России не существовало института школ как такового, обучение шло с учителем частным образом. В XVII в. в Москве было создано несколько школ с изучением греческого и латинского языков и высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия.

Одни исследователи сам факт появления института школ считали перспективной линией исторического развития [Прилежаев], другие же – тупиковым путем. Тупиковым потому, что эти школы давали только церковную образованность, будущее же было за светской образованностью, за математическими и инженерными школами [Забелин, № 4, с. 12, 18, 22]. Однако школы XVII в., по мнению православных историков, развились в сеть церковных семинарий и стали давать совершенно новое церковное образование [Иоанн (Экономцев)]. Обучение латинскому языку уже в конце XVII в. оказалось дополнено современным итальянским. Он был нужен в первую очередь для того, чтобы изучать корабельное дело Венеции.

³ А. П. Богданов так характеризует время правления царя Федора Алексеевича (1676–1682): «Россия представляла собой самодостаточное государство с положительным торговым балансом, признанное на международной арене как мировая держава – в ранге империи. Внутри страны шло ускоренное развитие, позволявшее надеяться на преодоление технического и научного отставания от весьма немногих более передовых, но менее сильных стран Западной и Центральной Европы» [Богданов, 2003, с. 50].

«Тупиковость» видят не только в развитии школ, но и в живописи, где парсуна не превратилась в портрет, и в сатирической литературе, и в театре, которые при Петре начали свое существование заново. Концепции тупикового развития «новаций» в культуре XVII в. сегодня критикуются с точки зрения неверных методологических подходов к материалу [Бусева-Давыдова, 2008, с. 42]. Каждая эпоха имеет не только связь с будущим, но она и самостоятельный замкнутый вариант культурных направлений, ценных самих по себе.

Однако идея «тупиковости» применяется не только к изучению культуры XVII в., но и к реформам, которые были проведены в конце 70-х – 80-е гг. XVII в. при царе Федоре и царевне Софье. Сами по себе эти реформы стали изучаться только в последнее время именно в результате более кропотливой работы с источниками. Их изучение – яркий пример того, когда исследователи попадают под влияние риторики текстов и начинают следовать за ними. Дело в том, что, хотя сам феномен реформ и существовал в XVII в., но в документах он так не назывался, а само введение в жизнь новшеств не воспринималось людьми положительно. Поэтому, когда вводилось нечто новое царским указом, в нем специально отмечалось, что это возврат к забытому старому [Кошелева, Наседкин]. В петровское время идея новизны вышла из-под спуда ее открытого неприятия и стала частью государственной политики, поставившей «на конвейер» производство новшеств во всех сферах жизни. В своих указах Петр прямо говорил о разрыве с прежней традицией. Но это не поддерживалось большинством населения, думавшего еще по старинке, поэтому Петру приходилось в указах так или иначе разъяснять подданным пользу нововведений, обосновывать их, приводя примеры и обращаясь к их разуму.

Уже при жизни Петра I был создан большой комплекс текстов, образно прославлявших его правление. Одной из главных метафор была метафора о Петре-строителе, создававшем новое на пустом месте (новый флот, новую столицу, новую армию, новую Академию и т. д.). Мысль о том, что в допетровские времена в России, по большому счету, ничего, кроме добрых нравов, не существовало – ни просвещения, ни торговли, ни ремесел, ни флота, ни войска, ни крупных городов – продолжала присутствовать во многих литературных и исторических сочинениях, в обыденном сознании до сегодняшнего дня (подробнее см. : [Кошелева, с. 22–32]). Это, однако, миф, в который не верили современники, но поверили потомки.

Реформы второй половины XVII в., в отличие от петровских, не были окружены пафосной риторикой новизны, они оставались для историков малоприметными и оценивались как тупиковые. В настоящее время им уделяется большое внимание, они изучаются не только на уровне законодательных актов, но и на уровне их реализации на практике. Оказывается, что они эффективно были проведены в жизнь, функционировали и в петровский период.

В связи с дискуссиями о значении предпетровского времени (то есть царствования старшего брата Петра Федора Алексеевича) наиболее значимым событием стал выход книги петербургского историка П. В. Седова с говорящим само за себя названием «Закат Московского царства. Царский двор XVII в.» (СПб., 2006). Седов систематизировал гигантский фактический материал, введя в научный оборот множество новых источников. Главное, что интересует исследователя, – взаимоотношения придворных и влияние тех или иных лиц на политику, которое он стремился проследить в деталях. Самого царя, который был молод и нездоров, Седов выводит за скобки. Таким простым приемом он полностью перечеркивает утвердившееся в советское время мнение об усилении самодержавия, превращении его в абсолютную монархию и полном отстранении от государственной деятельности думных бояр. Седов хорошо показывает готовность правительства к проведению реформ, которые, однако, осуществлялись, по его мнению, вяло и полностью зависели от личных и клановых интересов придворных кругов. Проведенные реформы по направленности были схожи с петровскими, но лишь внешне – они не затрагивали основ «старомосковской жизни», Петр же стал ее целенаправленно разрушать. А без этого разрушения модернизация была невозможна, считает П. В. Седов. Книга «Закат Московского царства» вызвала необычный всплеск отзывов и рецензий, мнения их авторов в целом совпадали – с одной стороны, высокая оценка собранному разностороннему и новому материалу и его систематизации и, с другой, оторванные от него выводы, искусственные и натянутые. Идея «заката» (который по смыслу равен системному кризису) никем из рецензентов не была поддержана. Если сторонники идеи системного кризиса XVII в. конструировали его, глядя из «своего» петровского времени, то Седов, наоборот, как специалист по истории XVII в. поверхностно характеризовал реформы Петра. А ведь они, если отвлечься от их литературных восхвалений, шли не менее вяло и были столь же зависимы от дворцовых интриг и народного сопротивления. Английская исследовательница Линдси Хьюс, подробно рассмотревшая в своих работах о Петре I метафору «пустого места», справедливо писала, что «идея о том, что Россия была “чистым листом” до явления Петра, делала даже очень скромные достижения весьма значительными» [Hughes].

Представляется, что первая исследовательская парадигма, основанная на идее кризиса, случившегося во второй половине XVII в., и созидания Петром всего нового на пустом месте, как и вторая парадигма, выраженная в метафоре преемственности, «быстрого движения по старому пути», к настоящему моменту полностью исчерпали свои возможности. Победы не одержала ни одна из них. Мне (и не только мне) представляется, что нормальному изучению истории указанного периода мешает существующий в головах историков хронологический барьер, разделяющий XVII и XVIII в. Из-за него, как из-за высокого забора, плохо видно, что происходило на другой его

стороне. Следует рассматривать вторую половину XVII в. и первую четверть XVIII в. комплексно, и такие работы – залог новых исследовательских находок.

Список литературы

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII – первая четверть XVIII в. М. : Наука, 1976. 455 с.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Анисимов Е. В. Почему Петр? Была ли альтернатива для России? // Родина. 2007. № 11. С. 2–4.

Богданов А. П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания накануне крушения московского царства // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М. : Ин-т человека РАН, 2003. С. 47–59.

Богданов А. П. Стих торжества. Рождение русской оды : Последняя четверть XVII–XVIII вв. : в 2 ч. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2012. 380 + 296 с.

Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. М. : Индрик, 2008. 364 с.

Бусева-Давыдова И. Л. Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен : автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М. : [Б. и.], 2005. 48 с.

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в.: новые художественные представления о мире, природе, человеке. М. : Наука, 1977. 296 с.

Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России XVII века. М. : [Б. и.], 1992. 55 с.

Дергачева И. В. «Лекарство душевное» как памятник религиозной антропологической литературы // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М. : Ин-т человека РАН, 2003. С. 379–389.

Живов В. М. Заметки о византийской культуре в России раннего Нового времени // *Russia medievalis*. Т. 10. 2001. № 1. München : Wilhelm Fink, 2001. P. 325–344.

Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого : Исслед. и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 368 с.

Живов В. М. Об исторической науке у Карло Гинзбурга // Новое лит. обозрение [сайт]. 2004. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html> (дата обращения: 10.09.2017).

Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII в. // Из истории русской культуры : в 5 т. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 3. XVII – начало XVIII в. С. 460–485.

Забелин И. Е. Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1886. Окт.-Дек. Кн. 4. С. 7–30.

Иоанн (Экономцев), игумен. Православие: Византия. Россия : сб. ст. М. : Христиан. лит., 1992. 238 с.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 575 с.

Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. 1957. 425 с.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – XVIII в. М. : Археографич. центр, 1998. 440 с.

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII в. М. : Ин-т филологии РАН, 2011. 155 с.

Корзо М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVII–XVIII в. М. : Канон+, 2007. 672 с.

Кошелева О. Е. Изучение Петровских реформ в рамках разных парадигм // IV научные чтения памяти Ю. С. Булыгина : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. С. 22–32.

Кошелева О. Е., Наседкин Е. Н. Феномен реформ в XVII столетии в России и их интерпретация в XVIII веке // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М. М. Крома и Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2013. С. 179–191.

Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 224 с.

Кристенсен С. История России XVII в. М. : Прогресс, 1989. 256 с.

Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты : в 2 т. М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2003. 264 + 219 с.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. : Ин-т рос. ист. РАН ; Тула : Гриф и К°, 2009. 788 с.

Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе // Памятники литературы Древней Руси : XVII в. Кн. 1. М. : Худож. лит., 1988. С. 6–26.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков : Эпохи и стили. Л. : Наука, 1973. 254 с.

Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры XI–XVII вв. : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1984. 336 с.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-история, 2008. 248 с.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М. : Древлехранилище, 2004. 344 с.

Панич Т. В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского. Новосибирск : Сибир. хронограф, 1996. 210 с.

Прилежаев Е. М. Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII в. // Странник. 1881. № 1. С. 1–25. № 2. С. 195–218. № 3. С. 387–407.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М. : Наука, 1974. 407 с.

Рыбалко Н. Б. Российская приказная бюрократия в Смутное время : Начало XVII в. М. : Квадрига ; МБА, 2011. 656 с.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 560 с.

Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVII столетии // Очерки русской культуры XVII в. : в 2 ч. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. С. 5–24.

Седов П. В. Закат Московского царства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз ; Мысль, 1960–1966. Кн. 6. Т. 11–12. 1961. 682 с.

Стефанович П. С., Морозов Б. Н. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. М. : Индрик, 2009. 176 с.

Тимошина Л. А. О научной биографии Андрея Андреевича Винууса : рецензия // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2010. С. 530–557.

Токарев В. А. Возвращение на пьедестал: тема русской Смуты в социокультурном контексте 1930-х гг. // День народного единства : Биография праздника. М. : Дрофа, 2009. С. 303–335.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М. : Языки славян. культуры, 2009. 339 с.

Фонкич Б. Л. О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века : Критические заметки. М. : Языки славян. культуры, 2012. 184 с.

Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М. : Языки славян. культуры, 2008. 463 с.

Черная Л. А. Основные проблемы изучения русской культуры переходного периода // Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому

времени : Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 13–29.

Черная Л. А. Русские в переломную эпоху от Средневековья к Новому времени : учеб. пособие. М. : Логос, 2012. 248 с.

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам РГАДА). М. : Индрик, 2011. 288 с.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия : Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М. : Альянс-Архео, 2011. 352 с.

Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии : Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / под ред. А. В. Дорониной. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9–45.

Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М. : Квадрига; Зебра Е, 2013. 352 с.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М. : Наука, 2007. 558 с.

Bragone M. C. Alfavitar radi učenja malych detej : Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze : Firenze Univ. Press, 2008. 288 p.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1998. 640 p.

Košeleva O. E. La Storiographia Russa Moderna sull'epoca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamenti // Acme. 2015. No. 1. P. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org.10.13130/2282-0035/5137>.

References

Alpatov, M. A. (1976). *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa. XVII – pervaya chetvert' XVIII v.* [Russian Historical Thought and Western Europe. 17th – First Quarter of 18th Centuries]. Moscow, Nauka. 455 p.

Anisimov, E. V. (1997). Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo [State Transformations and Autocracy of Peter the Great]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 331 p.

Anisimov, E. V. (2007). Pochemu Petr? Byla li al'ternativa dlya Rossii? [Why Peter? Was there an Alternative for Russia?]. In Rodina. No. 11, pp. 2–4.

Bogdanov, A. P. (2003). Konets “Tret'ego Rima” i utverzhdenie imperskogo samosoznaniya nakanune krusheniya moskovskogo tsarstva [The End of ‘The Third Rome’ and the Formation of Imperial Consciousness on the Eve of the Collapse of the Tsardom of Muscovy]. In Kiseleva, M. S. (Ed.). *Chelovek mezhdru tsarstvom i imperiei. Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, Institut cheloveka RAN, pp. 47–59.

Bogdanov, A. P. (2012). *Stikh torzhestva. Rozhdenie russkoi ody. Poslednyaya chetvert' XVII–XVIII vv. v 2 ch.* [The Verse of Triumph. The Birth of the Russian Ode. Last Quarter of the 17th – 18th Centuries. 2 Parts]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 380 + 296 p.

Bragone, M. C. (2008). *Alfavitar radi učenja malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze, Firenze Univ. Press. 288 p.

Buseva-Davydova, I. L. (2005). *Rossiya XVII veka: kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen* [Russia in the 17th Century. Culture and Art during the Epoch of Changes]. Avtoref. dis. ... dokt. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. 48 p.

Buseva-Davydova, I. L. (2008). *Kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen. Rossiya XVII stoletiya* [Culture and Art during the Epoch of Changes. Russia of the 17th Century]. Moscow, Indrik. 364 p.

Chernaya, L. A. (1999). Osnovnye problemy izucheniya russkoi kul'tury perekhodnogo perioda [The Basic Issues of Studying Russian Culture in a Transition Period]. In Chernaya, L. A. *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Filosofsko-antropologicheskii analiz russkoi kul'tury XVII – pervoi treti XVIII v.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 13–29.

Chernaya, L. A. (2008). *Antropologicheskii kod drevnerusskoi kul'tury* [The Anthropological Code of Old Russian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 463 p.

Chernaya, L. A. (2012). *Russkie v perelomnuyu epokhu ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Uchebnoe posobie* [Russians during the Transition Epoch from the Middle Ages to the Modern Era. A Textbook]. Moscow, Logos. 248 p.

Chesnokova, N. P. (2011). *Khristianskii Vostok i Rossiya: politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie v seredine XVII veka (po dokumentam RGADA)* [The Christian East and Russia. Political and Cultural Interaction in the Mid-17th Century (with Reference to RGADA Documents)]. Moscow, Indrik. 288 p.

Demin, A. S. (1977). *Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v.: novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke* [The Russian Literature of the 2nd Half of the 17th – Early 18th Centuries. New Artistic Ideas of the World, Nature, and Man]. Moscow, Nauka. 296 p.

Demkin, A. V. (1992). *Zapadnoevropeiskie kuptsy i ikh prikazchiki v Rossii XVII veka* [The West European Merchants and their Salesmen in 17th-Century Russia]. Moscow, S. n. 55 p.

Dergacheva, I. V. (2003). “Lekarstvo dushevnoe” kak pamyatnik religioznoi antropologicheskoi literatury [Spiritual Remedy as an Artefact of Religious Anthropological Literature]. In Kiseleva, M. S. (Ed.). *Chelovek mezhdu tsarstvom i imperiei. Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, Institut cheloveka RAN, pp. 379–389.

Eskin, Yu. M. (2013). *Dmitrii Mikhailovich Pozharskii* [Dmitry Mikhailovich Pozharsky]. Moscow, Kvadriga, Zebra E. 352 p.

Fonkich, B. L. (2009). *Greko-slavyanskii shkoly v Moskve v XVII veke* [Graeco-Slavic Schools in 17th-Century Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 339 p.

Fonkich, B. L. (2012). *O sovremennykh metodakh issledovaniya grecheskikh i russkikh dokumentov XVII veka. Kriticheskie zametki* [On Modern Methods of Researching the Greek and Russian Documents of the 17th Century. Critical Notes]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 184 p.

Hughes, L. (1998). *Russia in the Age of Peter the Great*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 640 p.

Ioann, (Economtsev), Father Superior. (1992). *Pravoslavie. Vizantiya. Rossiya. Sbornik statei* [Orthodoxy. Byzantium. Russia. A Collection of Articles]. Moscow, Khristianskaya literatura. 238 p.

Kamenskii, A. B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I* [From Peter I to Paul I]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. 575 p.

Klyuchevskii, V. O. (1957). *Sochineniya v 8 t.* [Works. 8 Vols.]. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 1. Kurs russkoi istorii. Part 1. 425 p.

Korzo, M. A. (2007). *Ukrainskaya i belorusskaya katekheticheskaya traditsiya kontsa XVII–XVIII v.* [The Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late 17th – 18th Centuries]. Moscow, Kanon+. 672 p.

Korzo, M. A. (2011). *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoinie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII v.* [Simeon of Polotsk's Moral Theology. The Development of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.

Košeleva, O. E. (2015). La Storiographia Russa Moderna sull'epoca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamenti. In *Acme*, no. 1, pp. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.13130/2282-0035/5137>.

Košeleva, O. E. (2007). *Izuchenie petrovskikh reform v ramkakh raznykh paradigim* [The Study of Petrine Reforms within the Framework of Different Paradigms]. In Goncharov, Yu. M. (Ed.). *IV nauchnye chteniya pamyati Yu. S. Bulygina. Sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 22–32.

Košeleva, O. E., Nasedkin, E. N. (2013). Fenomen reform v XVII stoletii v Rossii i ikh interpretatsiya v XVIII veke [The Phenomenon of Reforms in 17th-Century Russia and Their Interpretation in the 18th Century]. In Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). *Fenomen reform na zapade i vostoche Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)*. [The Phenomenon of Reform in Western and Eastern Europe at the Beginning of the Modern Period (16th to 18th Centuries)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskii universitet, pp. 179–191.

Kovrigina, V. A. (1998). *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII – XVIII vv.* [The German Quarter of Moscow and Its Inhabitants at the End of the 17th – 18th Centuries]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 440 p.

Krasnobaev, B. I. (1983). *Russkaya kul'tura vtoroi poloviny XVII – nachala XIX v.* [The Russian Culture of the Second Half of the 17th – Early 19th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 224 p.

Kristensen, S. (1989). *Istoriya Rossii XVII v.* [The History of 17th-Century Russia]. Moscow, Progress. 256 p.

Likhachev, D. S. (1973). *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The Development of Russian Literature between the 10th and 17th Centuries. Epochs and Styles]. Leningrad, Nauka. 254 p.

Likhachev, D. S. (1988). XVII vek v russkoi literature [The 17th Century in Russian Literature]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XVII v. Book 1*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 6–26.

Liseitsev, D. V. (2003). *Posol'skii prikaz v epokhu Smuty v 2 t.* [The Ambassadorial Prikaz during the Time of Troubles. 2 Vols.]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 264 + 219 p.

Liseitsev, D. V. (2009). *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of the Tsardom of Muscovy during the Time of Troubles]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tula, Grif i K°. 788 p.

Murav'ev, A. V., Sakharov, A. M. (1984). *Ocherki istorii russkoi kul'tury XI–XVII vv. Kniga dlya uchitelya* [Essays on the History of Russian Culture of the 11th – 17th Centuries. Teacher's Book]. Moscow, Prosveshchenie. 336 p.

Nikolaev, S. I. (2008). *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy* [Polono-Russian Literary Communications between the 16th and 18th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg, Nestor-istoriya. 248 p.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia between the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress&Traditsiya. 384 p.

Orlenko, S. P. (2004). *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII v. (pravovoi status i real'noe polozhenie)* [Western Europeans in 17th-Century Russia (Legal Status and Real Position)]. Moscow, Drevlekhranilishche. 344 p.

Panich, T. V. (1996). *Literaturnoe tvorchestvo Afanasiya Kholmogorskogo* [Athanasius of Kholmogory's Literary Heritage]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 210 p.

Prilezhaev, E. M. (1881). Shkol'noe delo v Rossii do Petra Velikogo i v nachale XVIII v. [Schools in Russia before Peter the Great and in the Early 18th Century]. In *Strannik*. No. 1, pp. 1–25. No. 2, pp. 195–218. No. 3, pp. 387–407.

Robinson, A. N. (1974). *Bor'ba idei v russkoi literature XVII v.* [The Struggle of Ideas in the Russian Literature of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 407 p.

Rybalko, N. B. (2011). *Rossiiskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya. Nachalo XVII v.* [Russian Prikaz Bureaucracy in the Time of Troubles. Early 17th Century]. Moscow, Kvadriga, MBA. 656 p.

Sakharov, A. M. (1979). Rossiya i ee kul'tura v XVII stoletii [Russia and Its Culture in the 17th Century]. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII v. v 2 ch.* [Essays on 17th-Century Russian Culture. 2 Parts]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Part 1. Material'naya kul'tura. Gosudarstvennyi stroi, pp. 5–24.

Sapozhnikova, O. S. (2010). *Russkii knizhnik XVII veka Sergei Shelonin* [The 17th-Century Russian Scribe Sergey Shelonin]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 560 p.

Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo tsarstva* [The Decline of the Tsardom of Muscovy]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 604 p.

Shamin, S. M. (2011). *Kuranty XVII stoletiya. Evropeiskaya pressa v Rossii i vozniknovenie russkoi periodicheskoi pechati* [The Chiming Clock of the 17th Century. The European Press in Russia and the Emergence of Russian Periodicals]. Moscow, Al'yans-Arkheo. 352 p.

Sharf, K. (2008). Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya [A Monarchy Based on Law instead of Despotism. The Transfer and Adaptation of European Ideas and the Evolution of Views on the State in Russia during the Era of Enlightenment]. In Doronin, A. V. (Ed.). *“Vvodya nrvy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode”*. *K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 9–45.

Solov'ev, S. M. (1961). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 15 kn.* [The History of Russia from the Ancient Times. 15 Books]. Moscow, Sotsekgiz, Mysl'. Book 6. Vol. 11–12. 682 p.

Stefanovich, P. S., Morozov, B. N. (2009). *Roman Vilimovich v gostyakh u Petra Ignat'evicha: pskovskii arkhiv angliiskogo kuptsa 1680-kh godov* [Roman Vilimovich Visiting Pyotr Ignatyevich. The Pskov Archive of an English Merchant of the 1680s]. Moscow, Indrik. 176 p.

Timoshina, L. A. (2010). O nauchnoi biografii Andreya Andreevicha Viniusa: retsenziya [On A. A. Vinius's Academic Biography. A Review]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Iss. 14. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo, pp. 530–557.

Tokarev, V. A. (2009). Vozvrashchenie na p'edestal: tema russkoi Smuty v sotsiokul'turnom kontekste 1930-kh gg. [Returning to the Pedestal. The Theme of the Russian Time of Troubles in the Sociocultural Context of the 1930s]. In *Den 'narodnogo edinstva: Biografiya prazdnika*. Moscow, Drofa, pp. 303–335.

Yurkin, I. N. (2007). *Andrei Andreevich Vinius, 1641–1716* [Andrey Andreevich Vinius, 1641–1716]. Moscow, Nauka. 558 p.

Zabelin, I. E. (1886). Pervoe vodvorenje v Moskve grekolatinskoi i obshchei evropeiskoi nauki [The First Introduction of Graeco-Latin and General European Science in Moscow]. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Oktyabr'-Dekabr'. Book 4, pp. 7–30.

Zhivov, V. M. (2000). Religioznaya reforma i individual'noe nachalo v russkoi literature XVII v. [Religious Reform and Individualism in Russian Literature of the 17th Century]. In *Iz istorii russkoi kul'tury v 5 t.* [From the History of Russian Culture. 5 Vols.]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 3. XVII – nachalo XVIII v., pp. 460–485.

Zhivov, V. M. (2001). Zametki o vizantiiskoi kul'ture v Rossii rannego novogo vremeni [Notes on Byzantine Culture in Russia in the Early Modern Period]. In *Russia medievalis*. Vol. 10. No. 1. München, Wilhelm Fink, pp. 325–344.

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo. Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Epoch of Peter the Great. Studies and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Zhivov, V. M. (2004). Ob istoricheskoi nauke u Karlo Ginzburga [On Historical Science in Carlo Ginzburg's Works]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html> (mode of access: 10.09.2017).

The article was submitted on 17.08.2017